

4

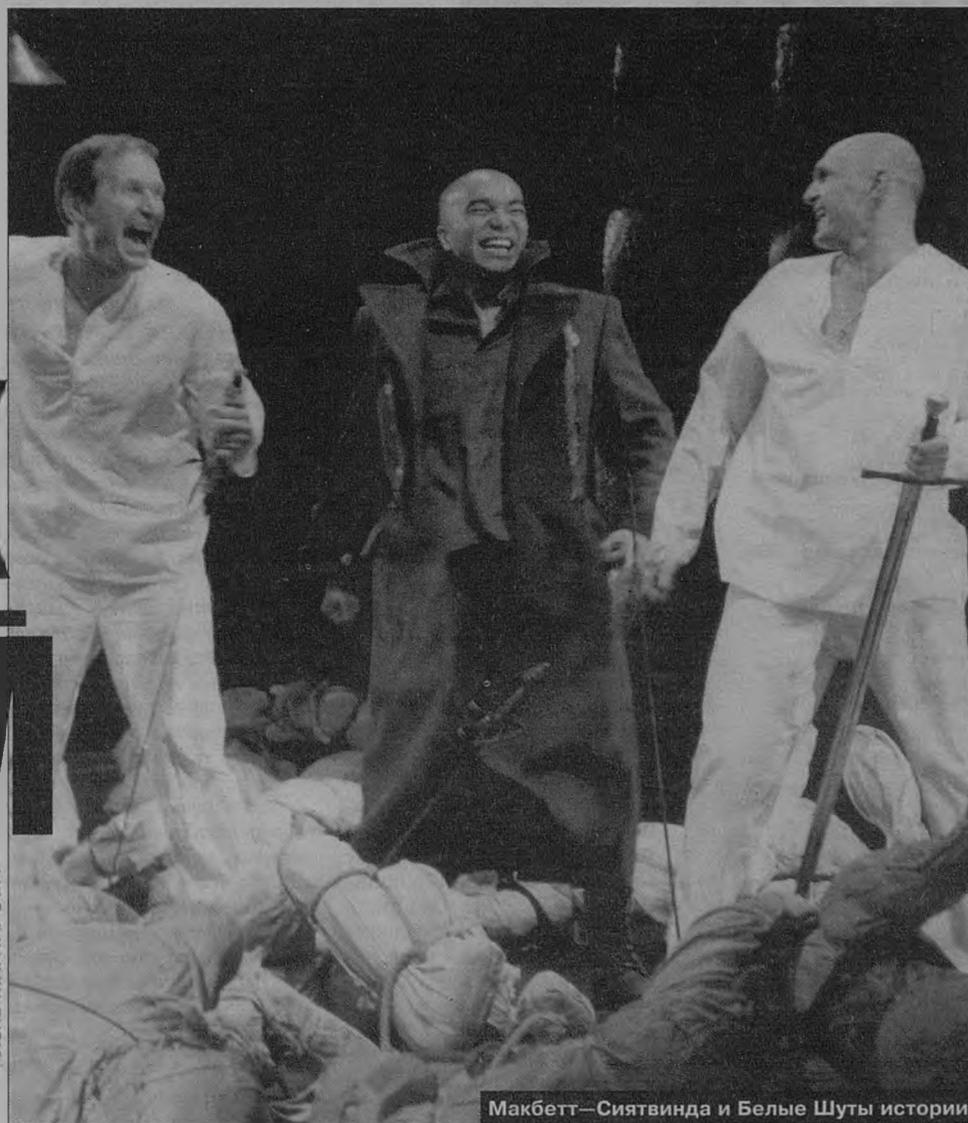
бенский, Андрей Зибров, Михаил Пореченков). «Макбетт» стал своего рода экспериментом.

Во-первых, режиссер работал с незнакомой ему труппой. А во-вторых, в этом спектакле Бутусова больше постановочных эффектов, чем во всех остальных вместе взятых. Это настоящее зрелище: по шагам (или мечам) пробегает огонь, с колосников падают огненные шары, объяснения происходят без звука — пантомимически, ругаются не просто так, а по-немецки. По-немецки смачно и плюют друг в друга. Зрителю ни на минуту не дают заскучать. Убегая из дворца, Леди Макбетт и наперсница, перепутав сказки, кричат: «Чемодан, лети!» Нетерпеливо толкают его головами, ничего не дождаввшись, убегают и пролетают в теневом театре: Шут проносит на жезле двух растрепанных бестий, устроившихся на чемодане.

он бы стал другим. Хотя наш спектакль можно сыграть и в подвале. Я учитывал, конечно, обстоятельства. Я же не сумасшедший человек, понимаю, что это пространство нужно чем-то заполнять. Сначала оно было другим. Мы сдали макет — его приняли. Потом уехали в Питер, и я понял, что все не так. Мы месяц еще сидели в макетной и крутили шарики, кубики, кровати.

ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АБСУРДА

Алена МХИТАРОВА

Макбетт—Сиятвинда и Белые Шуты истории

— Юра, у тебя не было омпений идти — не идти в «Сатириконе»? В театр, в котором так недолго прослужил Хабенский: приехал и скоро уехал — сбежал от мелких ролей?

— Хабенский вернулся в Питер, чтобы репетировать «Калигулу».

А Райкин позвонил в тот момент, когда я решал, куда мне двигаться. В антрепризу я идти не хотел, несмотря на гонорары... Антреприза — это, наверное, неплохая система, но она обслуживает артистов, а не открывает их заново. Естественно, мне это не очень интересно.

— Что вообще ты узнал об актере за время работы в «Сатириконе»?

— Актеры, с которыми мы столкнулись, оказались очень талантливыми людьми. Но для того, чтобы они могли развиваться дальше, могли стать мастерами, нужно очень внимательно

за ними следить и им помогать.

Это была самая интересная работа за последние два-три года. Нового человека интересно разгадывать. А когда вы долго знакомы, наслаиваются личные взаимоотношения, которые очень мешают творчеству.

— Тогда почему ты всегда работаешь с Шишкиным и Ревуловым?

— Не хочу с другими. Мы создаем свое королевство, и мне бы хотелось сохранить его отдельность.

— Не было ощущения, что ты приспосабливаешься к правилам игры, установленным в «Сатириконе»?

— Нет. А какие здесь установлены правила?

— Зрелищность как обязательное требование, пространство бывшего кинотеатра, особый зритель.

— Если бы мы играли этот спектакль в каком-нибудь подвале, то, наверное,

А о зрителе я вообще никогда не думаю. Я не понимаю этого вопроса. Я для себя делаю спектакль.

— Чтобы тебе понравилось?

— Да. Чтобы мне нравилось. И переделываю я, потому что мне не нравится.

— Ты вообще не думал о специфике театра «Сатириконе», о том, что сюда приходит respectable, обеспеченная публика, о том, что у нее есть сложившиеся критерии?

— Я не понимаю этого деления зрителей. Мне кажется, оно искусственное. Если спектакль хороший — эмоциональный, достаточно интеллектуальный, сделанный со вкусом, он возьмет любого зрителя.

— Независимо от уровня его интеллектуальной подготовки?

— Независимо. А если восприятие зависит от уровня интеллектуальной подготовки зрителя, то спектакль плохой.

— Спектакли Някрошюса не каждый выдержит, хотя бы из-за длительности действия.

— Его театр не является высокоинтеллектуальным: все метафоры просты, их можно разгадать. Это наш зритель, воспитанный на бытовых спектаклях, не приучен к театру-игре.

То, чем мы сейчас занимаемся, — бессмысленная графа времени. Невозможно научить кого-то, человек не станет Някрошюсом от чужих слов. Някрошюс — гений, поэтому не дает никогда интервью. А я — человек слабый: ты мне нравишься, и я с тобой разговариваю.

— Меньше публикаций — больше пустых мест в зале.

— От интервью ничего не зависит. Если спектакль хороший, зритель будет ходить.

От избытка постановочных эффектов, несмотря на легкость и живость, новый спектакль Бутусова не утратил смысла. Возможно, из-за Белых Клоунов... И потому, что тиран Макбетт с сач-

ком и в овечьей шкуре затерялся в тумане — превратился в охотника за бабочками...

— В «Сатириконе» складывается традиция, согласно которой режиссеры — Стуруа, Неvejeина — возвращаются на повторные постановки. Тебе хочется продолжить традицию?

— Пока я не могу ответить. Надо уехать, пожить в другом городе, понять ситуацию. Завтра я бы не начинал. Да и театру есть о чем подумать. Но повторяю: у нас очень хорошие отношения, и творческие, и человеческие.

— А получить приглашение на постановку в другом московском театре?

— Наверное.

— По ритму тебе здесь..?

— По ритму хорошо. И, как ни странно, по отсутствию пинизма. В Москве люди наивнее, простодушнее, добрее.

● Ольга КОРШАКОВА

▲
**«Макбетт»
Юрия
Бутусова
в «Сатири-
коне» —
блестящий
эпилог
театрального
сезона**